

Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи

А. Ю. Дворниченко, Е. А. Ростовцев, Д. А. Баринов

Для цитирования: Дворниченко А. Ю., Ростовцев Е. А., Баринов Д. А. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 24–52. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.102>

В статье предпринята попытка реконструкции коллективной биографии историков Санкт-Петербургского университета XVIII — начала XX в. В основе исследования лежит сетевая база данных «Петербургская историческая школа (XVIII — начало XX в.)», подготовленная в рамках одноименного коллективного исследовательского проекта. В статье анализируется биографический материал, связанный с деятельностью ученых, работавших в различных институтах, относящихся к историографии петербургской университетской корпорации (Академический университет, Академическая гимназия и «академическое всеучилище», Учительская семинария, Педагогический институт, Главный педагогический институт, Императорский Санкт-Петербургский / Петроградский университет). Показано, что складывание научных школ в области истории начинается во второй четверти XIX в. Рассмотрены разные стороны коллективного портрета университетских историков Санкт-Петербурга: их сословное происхождение, вероисповедание, академическая мобильность, образование, этапы университетской карьеры, публикационная активность и пр. Однако основное внимание уделяется тематике научных исследований, их эволюции, а также процессу становления научных школ в разных областях исторического знания. В работе показано, что исторические

Андрей Юрьевич Дворниченко — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Andrey Yu. Dvornichenko — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaia nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

Евгений Анатольевич Ростовцев — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; e.rostovtsev@spbu.ru

Evgeniy A. Rostovtsev — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaia nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e.rostovtsev@spbu.ru

Дмитрий Андреевич Баринов — канд. ист. наук, науч. сотр., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; d.barinov@spbu.ru

Dmitriy A. Barinov — PhD, Researcher, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaia nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; d.barinov@spbu.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (Российского фонда фундаментальных исследований), проект «Петербургская историческая школа (XVIII — начало XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс», проект № 16-06-00528.

This research was supported by Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-06-00528 “Petersburg Historical School (18th — beginning of the 20th century): Biographical Database and Information Resource”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

штудии объединяли представителей трех факультетов Императорского университета XIX — начала XX в. (историко-филологический, юридический, восточных языков) и занимали центральные позиции среди направлений научных исследований. Авторы статьи показывают взаимовлияние, частичное совпадение полей исследования и тесное взаимодействие исторической и филологической науки и искусствоведения, — в частности, указывается на то обстоятельство, что ведущие университетские ученые XIX–XX в. основали научные школы, которые имели последователей (и линии преемственности) в разных гуманитарных науках. В этом контексте отмечается деятельность И. И. Срезневского, А. Н. Веселовского, П. К. Коковцова, В. Р. Розена, Ф. Ф. Соколова, П. В. Никитина, Ф. Ф. Зелинского, А. А. Шахматова, Н. П. Кондакова и других ученых. В статье подчеркивается взаимодействие и взаимовлияние московской и петербургской исторических школ, высказываются предположения о роли выходцев из Московского университета в петербургской исторической корпорации.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, Петроградский университет, петербургская историческая школа, Главный педагогический институт, Академический университет, Петровский университет, российская историография, школы в науке, коллективный портрет, коллективная биография, история российской высшей школы, история науки, история университетов, просопографические исследования.

The Experience of Collective Biography of Historians of Capital University of Russian Empire

A. Yu. Dvornichenko, E. A. Rostovtsev, D. A. Barinov

For citation: Dvornichenko A. Yu., Rostovtsev E. A., Barinov D. A. The Experience of Collective Biography of Historians of Capital University of Russian Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 1, pp. 24–52. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.102> (In Russian)

The article contains an attempt to reconstruct a collective portrait of the historians of the Saint-Petersburg University in the 18th — beginning 19th centuries. The basis of the study is a network database “Petersburg historical higher-school (18th — beginning 19th centuries), created in the frames of the cognominal collective research project. Biographical material, concerned with the activity of the scholars, that worked in different institutes or were related with the historiography of the Petersburg University corporation (Academic University and “academic all-training school”, Teachers’ seminary, Pedagogical Institute, Imperial Saint-Petersburg / Petrograd / University) are analyzed in the article. It demonstrates that the formation of the scholar schools in the historical discipline began in the 2nd quarter of the 19th century. The attention paid to different aspects of the collective portrait of the historians of the Saint-Petersburg University: estates origin, creed, academic mobility, education etc. However, mostly in concerns on the themes of the research, its’ evolution and on the process of historical scholar schools’ formation. It is featured that the historical studies united the representatives of three faculties of the Imperial University in the 19th — beginning of the 20th century (historical-philological, juridical and oriental languages) and took central positions among the researches. The authors demonstrate interaction, partially conjunction of the fields of study and close collaboration between historical, philological sciences and study of art. Particularly pointed out that the major University’s scholars founded scholar schools that had followers in different humanitarian studies. The article also stresses upon the interaction and interinfluence between Moscow and Petersburg historical scholar schools.

Keywords: Saint-Petersburg University, Petrograd University, Petersburg historical school, Pedagogical institute, Academic Institute, Petrovsky Institute, Russian historiography, scholar schools, collective portrait, collective biography, history of Russian higher school, history of science, history of Universities, prosopographical studies.

Проблематика настоящего текста находится на пересечении нескольких исследовательских полей — социальной истории, истории исторической науки, цифровой истории, антропологии науки и продолжает серию исследований по проекту, связанному с историей петербургской исторической школы, который несколько лет осуществляется в Институте истории СПбГУ¹. Отличительной чертой проекта, выделяющего его среди других научных предприятий и исследований, посвященных петербургской исторической школе², является использование исследовательского инструментария социальной истории — методов статистического анализа и просопографии³. Авторы пытаются охарактеризовать феномен «петербургской исторической школы» через призму социального портрета профессионального сообщества историков Петербурга, основываясь на обработке составляемой ими базы данных⁴. В основе формуляра биографической справки лежат критерии, позволяющие реконструировать жизненный и профессиональный путь, достижения, научные интересы, педагогическую деятельность историка в социальном контексте (сословное происхождение, вероисповедание, семейное положение, этапы карьеры, научные степени, публикационная активность, исследовательские интересы, учителя, ученики и др.)⁵. Применение такого подхода (к настоящему времени заявленного и апробированного в литературе⁶) задает новый модус социальной исто-

¹ См.: *Dvornichenko A. Yu., Rostovtsev E. A., Barinov D. A.* The department of Russian history at St. Petersburg University (1821–1917): a group portrait // *Vestnik of Saint-Petersburg University. History.* 2016. Iss. 3. P. 46–56.

² *Dvornichenko A. Yu., Rostovtsev E. A., Barinov D. A.* “Petersburg Historical School” XVIII — early XX century: historiographical context and research methods // *Bylye Gody.* 2018. Vol. 49, iss. 3. P. 1046–1060; *Ростовцев Е. А.* Дискурс «петербургской исторической школы» в научной литературе // *Фигуры истории, или Общие места историографии.* Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005. С. 303–341.

³ *Ростовцев Е. А.* Информационные ресурсы как инструмент исследований по просопографии и исторической биографии (на примере сетевых проектов по университетской истории) // *Научный вестник Крыма.* 2016. № 4 (4). С. 1–9.

⁴ Петербургская историческая школа (XVIII — начало XX в.): информационный ресурс / ред. кол.: Т. Н. Жуковская, А. Ю. Дворниченко (рук. проекта, отв. ред.), Е. А. Ростовцев (отв. ред.), И. Л. Тихонов. СПб., 2016. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/histschool.html> (дата обращения: 01.06.2018).

⁵ *Сидорчук И. В.* Биография в контексте современных исследований по истории Петербургского университета // *Международные отношения и диалог культур.* 2016. № 4. С. 224–235; *Сосницкий Д. А.* Основные направления изучения истории Санкт-Петербургского университета в современной российской историографии // *Клио.* 2017. № 10 (130). С. 207–217; *Потехина И. П.* Портал «Биография СПбГУ» и новые возможности в изучении петербургской медиевистики // *Средние века.* 2018. Т. 79, № 3. С. 180–195.

⁶ См., напр.: *Грибовский М. В.* Профессорско-преподавательский корпус Императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. — февраль 1917 г.: дис. ... докт. ист. наук. Томск, 2018. С. 89–90; *Kostina T. V., Kouprianov A. V.* Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat University (1803–1884) // *Vestnik of Saint-Petersburg University. History.* 2016. Iss. 3. P. 31–45; *Куприянов А. В.* От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «средние данные» и формальные подходы в истории науки // *Топос.* 2017. № 1–2. С. 111–137; *Алеврас Н. Н., Гришина Н. В., Скворцов А. М.* К созданию коллективного портрета историков-соискателей ученых степеней в России XIX — начала XX в.: разработка базы данных и предварительный анализ // *Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX — начале XXI в.:* материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2016. С. 32–40; *Алеврас Н. Н., Вьдрин О. В.* База данных по диссертационной культуре российских ученых-историков (1814–1919): информационный ресурс и опыт его анализа // *Актуальные проблемы и современные подходы к преподаванию: сб. науч. статей.* Челябинск, 2018. С. 10–18; *Лягушкин И. А., Вишленкова Е. А.* Профессиональная самоорганизация русских уче-

рии высшей школы, позволяя выявить черты профессиональной корпорации учебных определенной отрасли знаний как социальной группы⁷. Разумеется, просопографические построения не являются универсальным инструментом, «волшебной отмычкой» для решения проблем социальной истории, но они дают тот ландшафт данных, который можно и нужно «возделывать» в рамках тонкой историографической настройки⁸. Итак, задача настоящей статьи — реконструкция социального портрета и коллективной биографии историков Санкт-Петербургского университета XVIII — начала XX в.

Информационный ресурс:

численность историков, хронология, критерии анализа

В настоящее время база данных охватывает 670 персоналий (общий словник составляет порядка 830 человек)⁹. При этом практически полностью создана база данных, касающаяся Санкт-Петербургского университета. В рамках принципов, положенных в основу словника, в него включены как историки «академического университета» (1724/1747–1767) и «академического всеучилища» (1767–1805), так и эволюционной цепочки (1782–1819) институций, в результате которой университет был воссоздан в 1819 г., т. е. учительской семинарии, учительской гимназии, Педагогического института и, наконец, Главного педагогического института.

Всего в период с 1724 по 1819 г. нами было выявлено 29 таких ученых. Для сравнения в сопоставимый по времени период с 1819 по 1917 г. в университете выявлено уже порядка 400 ученых, в той или иной степени профессионально занимавшихся историческими исследованиями. Эти две группы совершенно различны не только по численности. В первой более двух третей (21 человек) — иностранцы по происхождению, образованию и воспитанию, почти все неправославного вероисповедания. В числе объектов исторических исследований подавляющего большинства (19 человек) не было сюжетов, связанных с историей России и русской культуры. Как мы увидим, все это отличает ранний период истории Петербургского университета от его истории в эпоху «императорского университета» XIX — начала XX в. Однако основное отличие заключается даже не столько в происхождении ученых и тематике исследований, сколько в отсутствии как таковой собственной профессиональной корпорации: обычно состав группы историков, работавшей в универ-

ных (опыт просопографического анализа зоологической секции на съездах русских естествоиспытателей и врачей второй половины XIX — начала XX века) // *История и историческая память*. 2013. № 7–8. С. 172–190; *Лоскутова М. В.* Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX века: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. / отв. сост. А. Ю. Андреев. М., 2009. С. 183–221.

⁷ *Ростовцев Е. А.* Проблематика проектов по университетской истории и истории высшей школы (Санкт-Петербургский университет) // *Новое прошлое*. 2016. № 3. С. 145–157; *Потехина И. П.* История Санкт-Петербургского университета как предмет коллективных исследовательских проектов // *Клио*. 2016. № 8 (116). С. 14–21.

⁸ О проблемах современных просопографических исследований см., напр.: *Проскуракова М. Е.* Просопографические базы данных как инструмент работы с массовыми источниками в современной историографии // *Петербургский исторический журнал*. 2016. № 3. С. 190–198.

⁹ Данные на 1 июня 2018 г.: Петербургская историческая школа...

ситете в одно время, составлял 1–3 человека, как правило, специализировавшихся в разных сферах.

Группу первых университетских историков открывает славное имя Готлиба Зигфрида Байера (1694–1738). В первое десятилетие в «университете» преподавали философ и историк церкви И. П. Коль, антиковед и востоковед И. Г. Лоттер. Г. Ф. Миллер и И.-Э. Фишер стали одними из первых академических профессоров, специализировавшихся именно на истории России, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт — первым специалистом, занимавшимся преимущественно изучением истории русского права. Впрочем, для науки XVIII столетия еще не существовало строгого разделения на сферы знания, и на развитие исторических наук в стенах Академии оказали влияние такие ученые-энциклопедисты, как М. В. Ломоносов и С. П. Крашенинников¹⁰. В Учительской семинарии/гимназии историю преподавали Ф. И. Янкович де Мириево, И. Ф. Гакман и И. И. Кох. Однако, справедливости ради, необходимо отметить, что лекции И. И. Коха (по нумизматике и древним языкам) лишь косвенно относились к исторической науке. Полноценное же преподавание истории в семинарии продолжил Е. Ф. Зябловский, начавший в 1797 г. чтение курса по всеобщей истории.

Эта ситуация в принципе не могла способствовать формированию *научных школ*. Если мы и можем говорить о формировании с XVIII в. традиций петербургской исторической школы, то лишь в самом общем смысле следования источниковедческим традициям, заложенным Г. Ф. Миллером и А. Л. Шлецером¹¹. Да и это положение небесспорно даже для «академического университета» / «академического всеучилища» и тем более сомнительно для учительской семинарии / гимназии / педагогического института (Е. Ф. Зябловский, Э. Ю. Раупах, А. П. Куницын, К. И. Арсеньев и др.). Кстати, обращение к «теоретическим вопросам», связанным с природой общества, экономикой государства, формированием системы права, закончилось для петербургских историков и других гуманитариев первой четверти XIX в. плачевно — известным делом профессоров и разгромом университета в 1821 г.¹²

Так или иначе дело профессоров и формальное возобновление университета в 1819 г. почти совпадают по времени и завершают эпоху в его развитии. В 1820-е — первой половине 1830-х годов в университет приходят О. И. Сенковский, Н. Г. Устрялов, М. С. Куторга, П. А. Плетнев, А. В. Никитенко и другие ученые, чья научная и педагогическая деятельность во многом предопределила становление научных школ в разных областях всеобщей истории, истории России, истории культуры в столичном университете и начало формирования того явления, которое в литературе принято называть *петербургской исторической (или историко-филологической) школой*¹³.

¹⁰ См., напр.: История Академии наук СССР. В 3 т. / ред. К. В. Островитянинов. М.; Л., 1958. Т. I (1724–1803).

¹¹ См.: Frolov E. D. Russian-German university and academic relations in the XVIII–XIX centuries (based on the science of world history) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 3. С. 57–67; Даудов А., Дворниченко А., Ростовцев Е. Борьба за историю // Родина. 2014. № 10. С. 133.

¹² Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением». Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половине XIX в. СПб., 2000. С. 127–175.

¹³ Ср.: Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С. Н. Избр. труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7–115; Ананьич Б. В., Панеях В. М. Историческая наука в Академии и академических учреждениях Петербурга // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и культурному наследию 2005. СПб., 2006. С. 19–21.

Таким образом, в центре нашего внимания и основных подсчетов настоящей статьи — университет второго периода (1819–1917), эпохи, когда русская историография (и не только в области истории России) обретает профессиональные школы и становится органичной частью мировой науки, а Петербургский университет — ее важным центром.

Историки в структуре университета: факультеты и кафедры (1819–1917)

Реконструируя коллективную биографию преподавателей-историков Санкт-Петербургского университета, важно понимать, что эта группа не была институционально привязана к одному конкретному подразделению университета. Причисляя разных преподавателей к изучаемой группе, мы отталкивались от расширенного понимания исторической науки, которое может включать в себя не только политическую и социальную историю, но и историю права, культуры, языка. Это позволяет нам оценить, какое место в научной жизни одного из крупнейших академических центров страны играла рефлексия прошлого, обращение к предшествующему историческому опыту. Напомним, что структура столичного университета менялась. На первом этапе (1819–1835) она соответствовала устройству Главного педагогического института и состояла из трех факультетов — историко-филологического, философско-юридического и физико-математического. На втором этапе (1835–1850) она, в соответствии с уставом 1835 г., включала два факультета — философский и юридический (на философском было два отделения: первое — гуманитарные и социальные кафедры; второе — физико-математические и естественно-научные). С 1850 г. в рамках компании николаевского режима по борьбе с философией¹⁴ структура вновь меняется: на месте философского факультета возрождаются историко-филологический (бывшее первое отделение философского факультета) и физико-математический (бывшее второе отделение философского факультета), остается юридический, а с 1855 г. к этим трем факультетам добавляется еще один — факультет восточных языков (восточный). В таком виде С.-Петербургский (Петроградский) университет просуществовал до революции 1917 г.¹⁵ Это деление на четыре факультета мы и примем за основу наших подсчетов, следуя устоявшейся в литературе традиции, идущей с дореволюционных времен¹⁶. В своих подсчетах, касающихся столичного университета XIX — начала XX в., мы, также следуя традиции, используем хронологическое членение его истории на три примерно равных периода: 1) 1819–1850 гг. (с воссоздания университета на базе Главного педагогического института до реформы университетской структуры и системы управления); 2) 1851–1884 гг. (до новой реформы, связанной

¹⁴ Малинов А. В. Русская философия: исследования, история, историография. СПб., 2013. С. 169.

¹⁵ Подробнее о структуре университета см.: Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017. С. 143–154.

¹⁶ Список профессоров и приват-доцентов юридического / историко-филологического / физико-математического / факультета восточных языков имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916].

с введением в действие Университетского устава 1884 г.); 3) 1885–1917 гг. (до революции, новых университетских реформ Временного правительства).

Разумеется, с точки зрения численности кадрового состава работавших в университете историков, первую позицию, с большим отрывом, как показано на рис. 1¹⁷, занимал историко-филологический факультет — признанный центр петербургской исторической школы¹⁸, ряд кафедр которого целиком был связан с проведением исторических исследований в разных областях (всеобщей истории, русской истории, истории церкви, теории и истории искусств). Однако важно обратить внимание на то, что вплоть до середины 1880-х годов его отрыв от остальных факультетов не был таким существенным, каким стал впоследствии. За второе место шел долгий спор между факультетом восточных языков и юридическим, который только в 1900-х годах по количеству историков серьезно обогнал восточный.

¹⁷ Иллюстративные материалы подготовлены по: *рис. 1* — Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. СПб., 2012–2014 / ред. кол. проф. А. Ю. Дворниченко (рук. проекта, отв. ред.), проф. Р. Ш. Ганелин, доц. Т. Н. Жуковская, доц. Е. А. Ростовцев (отв. ред.), доц. И. Л. Тихонов. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/history.html> (дата обращения: 25.06.2018); Петербургская историческая школа (XVIII — начало XX в.) ...; *рис. 2* — Словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/history.html> (дата обращения: 25.06.2018); *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи... С. 168; *рис. 3* — Словарь историков Санкт-Петербургского университета ...; *табл. 1* — Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета 1819–1917 / ред. коллегия: проф. Р. Ш. Ганелин (рук. проекта), проф. А. Ю. Дворниченко, доц. Т. Н. Жуковская и др. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/university.html> (дата обращения: 2.08.2018); Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета // Центральный государственный исторический архив СПб (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 311, 1005, 1279, 13434–13475, 16328–16338; Список профессоров и приват-доцентов ...; Просопографический анализ отдельных факультетов см.: *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи... С. 175–195; *табл. 2–7* — Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета...; *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи... С. 164, 163, 162, 158, 159, 59–160; *табл. 8* — Каталог Российской национальной библиотеки. URL: http://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/search.do (дата обращения: 1.02. 2018); Worldcat. URL: <https://www.worldcat.org/> (дата обращения: 1.02. 2018); *табл. 9* — Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета...; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета...; см. также: *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917): дис. ... докт. ист. наук. Т. 1. СПб. 2016. С. 174–176; *табл. 10* — Отчеты о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1885–1916 гг. СПб. [Пр.], 1886–1916; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета... Д. 16328–16338 (анализ по факультетам представлен: *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский Университет в контексте социально-политической истории России... Т. 1. С. 179); *табл. 11* — Список профессоров и приват-доцентов юридического / историко-филологического / физико-математического / факультета восточных языков имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета... Д. 311, 1005, 1279, 13434–13475, 16328–16338 (подробнее анализ социального и конфессионального состава университета см.: *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи... С. 171–174); *табл. 12* — Словарь историков Санкт-Петербургского университета...

¹⁸ *Брачев В. С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004; Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, 1934–2004: очерк истории / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004; *Жуковская Т. Н.* Историко-филологический факультет С.-Петербургского университета на рубеже XIX и XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: материалы международной науч. конференции. Петрозаводск, 2000. С. 339–349.

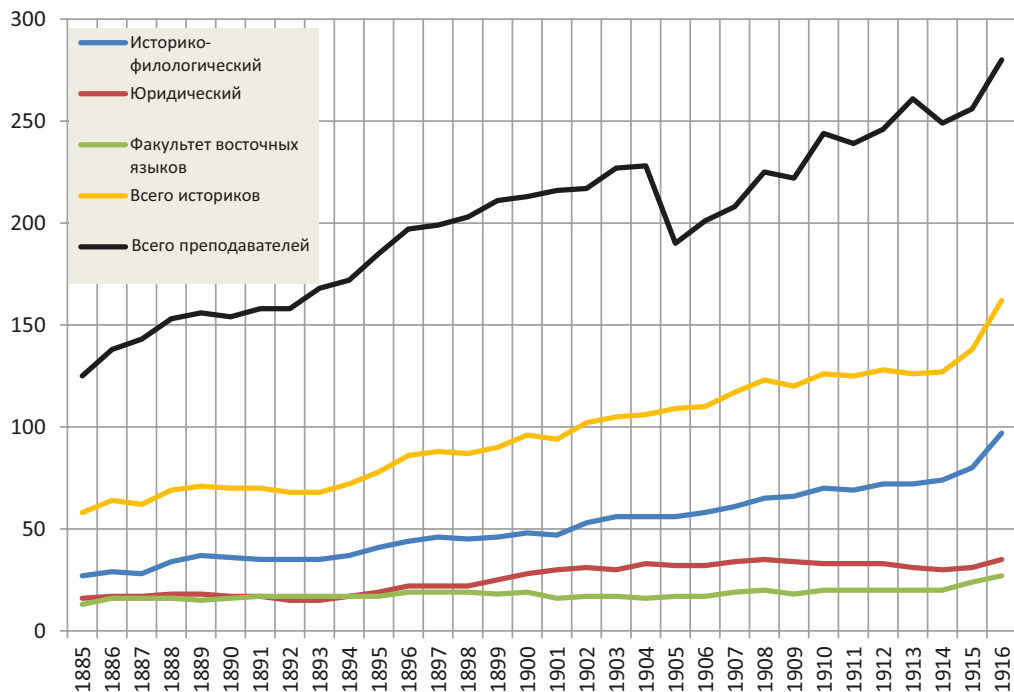

Рис. 1. Численность преподавателей-историков в 1885–1916 гг. на факультетах Санкт-Петербургского университета

Наибольшее количество юристов-историков преподавало на кафедрах истории русского и римского права. Интересно обратить внимание на то, что небольшое число историков «делегирует» даже физико-математический факультет. Все «делегируемые» были археологами, т. е. их специальность была шире исключительно гуманитарной направленности историков с других факультетов. Всего физмат

Таблица 1. Численность преподавателей-историков сравнительно с общей численностью профессорско-преподавательского состава Санкт-Петербургского университета

Период Факультет	Физико-математический	Историко-филологический	Юридический	Восточных языков	Историки		Всего по 4 факультетам
					Общее число	% в общей численности преподавателей	
1819–1850	38	34	30	18	43	35,8%	120
1851–1884	74	57	49	53	112	48,1%	233
1885–1917	192	205	152	76	324	51,8%	625
1819–1917	251	261	195	116	402	48,9%	823

в исследуемой группе историков представляли пять преподавателей: А. А. Иностранцев, Ф. К. Волков (Вовк), С. И. Руденко, П. И. Лященко, К. С. Мережковский.

Для того чтобы дать характеристику сообщества историков, нужно также оценить их количественный состав, сравнив с численностью как по факультетам, так и в целом по университету. По данным табл. 1, доля историков в общей численности профессорско-преподавательского состава на протяжении столетия выросла довольно существенно — от почти трети (35,8 %) до более чем половины (51,8 %). Всего же из общего числа преподавателей так или иначе были связаны с исторической наукой 406 человек — 49,3 %. При этом в начале XX в. динамика численности историков практически совпадала с динамикой общего числа преподавателей по университету.

Таким образом, статистические данные наглядно показывают, что Петербургский (Петроградский) университет в кадровом отношении являлся крупнейшим центром формирования исторического знания и исторической культуры в России.

Черты коллективного портрета:

**карьерера, научные регалии, социальное происхождение,
религиозный состав, академическая мобильность,
публикационная активность**

Что же представляло собой в социальном и профессиональном отношении сообщество историков Петербургского университета?

Для понимания места группы историков в академической среде университета важно сравнить основные черты их коллективной научной биографии с аналогичными чертами остальных преподавателей. Данные, приведенные в табл. 2, показывают, что историки в 1819–1917 гг. работали в университете значительно дольше, чем в среднем преподаватели крупных гуманитарных факультетов: почти 15 лет против 12,7 на юридическом и 13,7 на историко-филологическом.

Важно подчеркнуть, что группа преподавателей-историков отличалась довольно длительным карьерным движением: «дорога» от младшего преподавателя

Таблица 2. Среднее число лет работы профессорско-преподавательского состава Санкт-Петербургского университета

Факультет / Период	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	13,1	20,3	15,8	14,7
Юридический	14,9	20,6	13,1	12,7
Восточных языков	16,5	18,4	17,6	15,1
Историко-филологический	13,9	18,7	12,1	13,7
Историки	23,3	22	15,5	14,9
Всего по университету	14,3	19,5	14,2	14

Таблица 3. Средний срок службы в должности младшего преподавателя в Санкт-Петербургском университете

Факультет	Период	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
		Физико-математический	5,7	8	8,6
Юридический	10	8	9	8,4	
Восточных языков	10,6	9,8	8,8	8,6	
Историко-филологический	7,1	7,8	7,2	7,2	
Историки	9,1	9,2	10,2	9,5	
Всего по университету	7	8,4	8,2	7,9	

Таблица 4. Средний возраст начала преподавательской работы в Санкт-Петербургском университете

Факультет	Должность	Период			
		1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	Младший преподаватель	31,3	31,5	34,8	33,1
	Профессор	35,1	38,3	40,9	38,6
Юридический	Младший преподаватель	33,3	28,4	31,9	33,1
	Профессор	37,2	33,6	40,9	38,7
Восточных языков	Младший преподаватель	33,9	32,7	32,6	33,5
	Профессор	37,7	40,5	38,3	38,4
Историко-филологический	Младший преподаватель	27,4	32,7	37,7	36
	Профессор	38,2	35,6	41,1	39
Историки	Младший преподаватель	31,9	30,5	33,1	32,8
	Профессор	35,8	36,8	40	39,3
Всего по университету	Младший преподаватель	31	31,6	34,3	33,5
	Профессор	37,1	36,7	40,6	38,7

к профессору (см. табл. 3) была для них относительно долгой и занимала десять с небольшим лет (10,2) в 1885–1917 гг., а всего за век существования университета в новом виде — девять с половиной лет (9,5), что существенно больше общеуниверситетского показателя (7,9).

Таблица 5. Возраст защиты диссертаций в Санкт-Петербургском университете

Факультет	Диссертация	Период			
		1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	Магистерская	24,9	29,1	32	31,6
	Докторская	28,6	32,8	36,7	35,4
Юридический	Магистерская	25,2	29,7	32,2	31,6
	Докторская	28	33,9	38,6	36,5
Восточных языков	Магистерская	26,3	26,7	30,1	29,6
	Докторская	34,5	38,3	37,2	37,6
Историко-филологический	Магистерская	28,7	26,4	31,8	30,5
	Докторская	31	33,7	39,3	37
Историки	Магистерская	29,7	28	31,7	31,2
	Докторская	32,5	34,6	37,8	37
Всего по университету	Магистерская	26,2	28,9	31,5	31,3
	Докторская	28,9	33,3	38,2	36,5

Также о сложности карьерного пути историков свидетельствует тот факт, что работать в университете в должности младшего преподавателя они начинали в более раннем возрасте, чем на каком-либо из факультетов (в 32,8 года против общих 33,5), а профессорами становились в более позднем возрасте (39,3 года против 38,7) (см. табл. 4). Другими словами, путь к карьерной вершине, каковой можно считать профессию, и соответственно членство в Совете университета начинались раньше и заканчивались позже.

Необходимо обратить внимание на такую важную часть университетской карьеры, как защита диссертации. Наши подсчеты (см. табл. 5, где приведены результаты) свидетельствуют о том, что возраст защиты магистерской и докторской диссертаций историками (31,2 и 37 лет соответственно) не отличался кардинально от среднего возраста по университету (31,3 и 36,5 соответственно). Примечательно, что защита докторской диссертации в среднем после 37 лет была характерной чертой для всех гуманитарных факультетов.

Тернистый путь к профессорской должности, как нам кажется, может быть объяснен и через исследование «остепенности» историков. На момент перехода из младших преподавателей в профессора таковая была достаточно низкой и составляла всего 51,4% против 63,9% по университету в целом (см. табл. 6). Ниже показателей историков — только показатели факультета восточных языков.

Тогда же «остепенность» историков, поступавших на должность младших преподавателей, лишь в незначительной части уступала общим показателям: 45,1% против 48,5, и была выше средней по социогуманитарному направлению (см. табл. 7).

Таблица 6. Доля профессоров Санкт-Петербургского университета с докторской степенью на время вступления в должность, в %

Факультет	Период			
	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	43,7	88,9	85	78,3
Юридический	45,8	57,7	65,6	58,2
Восточных языков	12,5	50	58,8	44,2
Историко-филологический	38,9	84,6	62,5	64,3
Историки	58,1	82,3	56,6	51,4
Всего по университету	39,1	72,2	69,6	63,9

Таблица 7. Доля младших преподавателей Санкт-Петербургского университета, защитивших магистерскую / докторскую диссертацию на время вступления в должность, в %

Факультет / Период	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	18,2	85,7	76,3	70,2
Юридический	40	61,5	39,8	43,9
Восточных языков	14,3	22,5	16,7	18,5
Историко-филологический	12,5	60,8	41,2	43,3
Историки	29	56,1	47,5	45,1
Всего по университету	24,1	60,1	48,8	48,5

Представляет интерес также то обстоятельство, что преподаватели-историки опережали все факультеты по количеству публикаций (см. табл. 8). В среднем каждый университетский историк публиковал за свою жизнь почти 32 книги. Такие впечатляющие результаты были обусловлены некоторыми особенностями дореволюционной издательской практики: 1) отдельные статьи часто издавались в виде оттисков с отдельной пагинацией и выходными данными; 2) лекции наиболее известных преподавателей многократно переиздавались студентами разных курсов и разных учебных заведений; 3) наиболее крупные работы претерпевали множество переизданий, в том числе за рубежом. В то же время все перечисленные факторы относятся к общим условиям научного книгоиздания и не меняют того факта, что историки как профессиональная группа выступали в роли лидеров публикационной активности. Из всей группы преподавателей-историков 20 человек опубликовали за годы жизни более 100 книг с учетом прижизненных переизданий: Ф. Ф. Зелинский за годы жизни опубликовал более 300 книжных изданий, еще 4 историка (Н. Я. Марр, И. В. Ягич, Н. И. Кареев, А. И. Соболевский) — более 200 книг.

Таблица 8. Публикационная активность преподавателей Санкт-Петербургского университета

Период	Среднее кол-во публикаций до года смерти	Среднее кол-во публикаций в годы преподавания (до 1917 г.)	Среднее кол-во публикаций за год преподавания на 1 человека (до 1917 г.)
<i>Физико-математический</i>			
1819–1850	9,1	4,6	3
1851–1884	33	20,4	1,1
1885–1917	29,1	14,3	1,3
Всего	25,6	12,5	1,4
<i>Юридический</i>			
1819–1850	17,6	2	0,1
1851–1884	27,6	5,9	0,3
1885–1917	29,3	7,2	0,6
Всего	22	9,4	0,8
<i>Восточных языков</i>			
1819–1850	3,7	1,5	0,4
1851–1884	9,3	7,5	0,4
1885–1917	21,7	11,4	0,8
Всего	15,5	7,9	0,6
<i>Историко-филологический</i>			
1819–1850	13,9	8,3	0,6
1851–1884	40,1	17,4	0,9
1885–1917	31,9	12	3,4
Всего	31,6	12,4	1,4
<i>Историки</i>			
1819–1850	14,3	7,1	0,5
1851–1884	34	14,8	0,7
1885–1917	35,5	13,4	1
Всего	31,8	12	0,9

Рис. 2 позволяет оценить уровень академической мобильности университетских историков. Как и у преподавателей остальных факультетов, наиболее популярным местом работы историков, помимо университета, были Высшие женские (Бестужевские) курсы, на них в разное время работало не менее 12,7% историков.

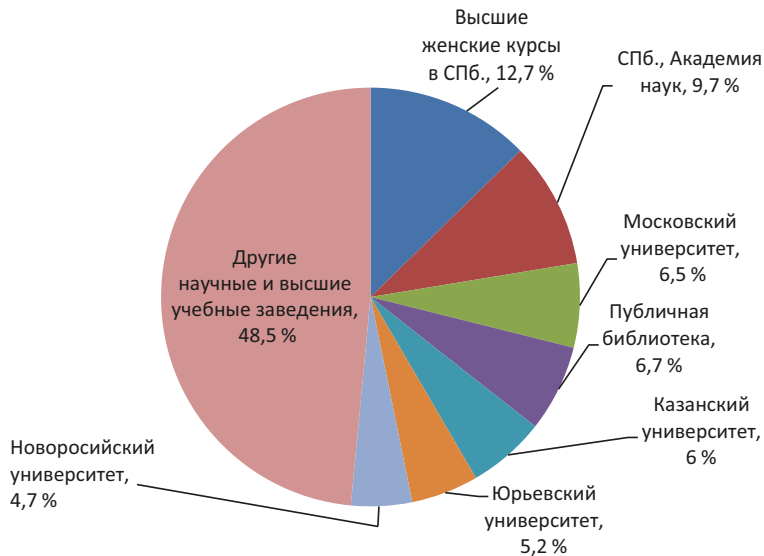

Рис. 2. Академическая мобильность историков Санкт-Петербургского университета в 1819–1917 гг.

Вторым по популярности местом была Академия наук, где на разных должностях трудилось 9,7 % преподавателей. Среди научных учреждений других городов лидирующие позиции занимали Московский и Казанский университеты (6,5 и 6 % соответственно).

Доля выпускников столичного университета в группе преподавателей-историков была достаточно большой — 63,5 %, что выше и общих показателей, и показателей каждого из факультетов по отдельности (см. табл. 9). Таким образом, можно говорить о высокой поколенческой преемственности, характерной для «петербургской исторической школы».

В религиозном отношении историки особо не выделялись, по крайней мере для периода 1885–1917 гг. (см. табл. 10), примерно повторяя этнорелигиозную структуру историко-филологического факультета. Более 80 % составляли православные, вторую по значению группу — протестанты (около 12 %, имевших, как правило, немецкие корни). Среди преподавателей-католиков абсолютное большинство принадлежало полякам, в их числе были всемирно известные ученые, такие как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Ф. Зелинский¹⁹.

Представители мусульманского вероисповедания в большинстве своем были связаны с факультетом восточных языков. Единственным ученым иудейского вероисповедания, имевшим ряд трудов исторической тематики, был приват-доцент юридического факультета И. М. Кулишер. Единственным караимом — филолог и историк С. М. Шапшал. В ряде случаев имела место смена вероисповедания. Интересно, например, отметить судьбу преподавателя факультета восточных языков А. К. Казем-бека, который, будучи сыном мусульманского богослова, в 1823 г. об-

¹⁹ Rostovtsev E. A. The Poles in The Academic Corporation of Saint-Petersburg Imperial University // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. No. 2. P. 194–204.

Таблица 9. Доля выпускников Санкт-Петербургского университета среди преподавателей университета, в %

Учебное заведение / Период	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
<i>Юридический факультет</i>				
СПб. университет / Главный педагогический институт до 1819 г.	41,9	60,4	54,8	54,3
Другие учебные заведения	54,8	35,4	39,4	38,5
Нет данных об учебном заведении, законченном преподавателем	3,2	4,2	5,8	7,2
<i>Физико-математический факультет</i>				
СПб. университет / Главный педагогический институт до 1819 г.	31,6	64,8	67,5	62,2
Другие учебные заведения	39,5	31	29,4	31,1
Нет данных об учебном заведении, законченном преподавателем	28,9	4,2	3,1	6,7
<i>Историко-филологический факультет</i>				
СПб. университет / Главный педагогический институт до 1819 г.	38,2	57,9	69	62,7
Другие учебные заведения	29,4	42,1	29,5	31,8
Нет данных об учебном заведении, законченном преподавателем	32,4	—	1,5	5,5
<i>Факультет восточных языков</i>				
СПб. университет / Главный педагогический институт до 1819 г.	27,8	29,4	60	46
Другие учебные заведения	55,6	31,4	20	26,2
Нет данных об учебном заведении, законченном преподавателем	16,6	39,2	20	27,8
<i>Историки</i>				
СПб. университет / Главный педагогический институт до 1819 г.	24	67	67,9	63,5
Другие учебные заведения	17	40	29,9	33,3
Нет данных об учебном заведении, законченном преподавателем	2	5	2,2	3,2
Всего				
СПб. университет / Главный педагогический институт до 1819 г.	34,7	54,2	63,9	58,2
Другие учебные заведения	43,8	34,8	30,8	32,4
Нет данных об учебном заведении, законченном преподавателем	21,5	11	5,3	9,4

ратился в христианство пресвитерианского образца. Некоторые евреи, как антиковед С. Я. Лурье, вынужденно принимали крещение, чтобы обрести заветное место в университете²⁰. Крах самодержавия открыл дорогу в университет уже в 1917 г. целому ряду преподавателей еврейского происхождения, в том числе, например, известному востоковеду А. А. Фрейману.

Таблица 10. Религиозный состав профессорско-преподавательского корпуса на факультетах Санкт-Петербургского университета в 1885–1916 гг., в %

<i>Физико-математический факультет</i>	
Православные	84,4
Католики	4,9
Протестанты	7,8
Иудеи	1,9
Армяно-григориане	1
<i>Юридический факультет</i>	
Православные	88,4
Католики	3,4
Протестанты	5,8
Иудеи	1,2
Армяно-григориане	1,2
<i>Факультет восточных языков</i>	
Православные	67,8
Католики	3,6
Протестанты	14,2
Армяно-григориане	3,6
Буддисты	3,6
Караимы	3,6
Магометане	3,6
<i>Историко-филологический факультет</i>	
Православные	81,3
Католики	6,5
Протестанты	11,4
Иудеи	0,8

²⁰ Лурье Я. С. История одной жизни. СПб., 2004. С. 154–55.

<i>Историки</i>	
Православные	82,2
Католики	4,4
Протестанты	11,7
Иудеи	1,1
Караимы	0,3
Армяно-григориане	0,3
<i>Университет в целом</i>	
Православные	82,9
Католики	5
Протестанты	9,1
Иудеи	0,9
Другие	2,1

Сословный состав историков (см. табл. 11), как и всего профессорско-преподавательского корпуса университета, был достаточно элитарным: 56,5 % составляли дети дворян и чиновников.

Вместе с тем историки в сравнении с другими учеными существенно лидировали по представительству духовного сословия (16,7 %) и незначительно — по представительству мещанства (6,5 %). Единственным представителем казачества был ученик С. Ф. Платонова Е. И. Тарасов, выходцами из крестьян были Н. Г. Адонц, Н. И. Костомаров, И. И. Замотин. Таким образом, хотя социальный состав историков и отличался разнообразием, все же профессиональные занятия историческими исследованиями в основном оставались уделом привилегированных сословий.

Тематика и научные школы

Составить полноценный коллективный портрет преподавателей-историков и определить специфику их научной специализации невозможно без выявления основных сюжетов и отраслей, которым были посвящены их исследования. Данные о научной специализации университетских историков в XIX — начале XX в. представлены в табл. 12. При определении основных областей мы принимали во внимание тематику публикаций, диссертаций и лекционных курсов. Разумеется, один человек мог оставить заметные труды в разных областях исторического знания, что учитывалось и в наших подсчетах.

Из табл. 12 видно, что с большим отрывом в среде университетских историков лидировали специалисты по историческому языкознанию, истории литературы и культуры.

Таблица 11. Социальный состав профессорско-преподавательского корпуса на факультетах Санкт-Петербургского университета в 1885–1917 гг., в %

<i>Физико-математический факультет</i>	
Дворяне	46,9
Духовенство	6,2
Дети почетных граждан	1
Дети чиновников	11,5
Казачество	2,1
Мещане	5,2
Интеллигенция*	16,7
Дети крестьян	5,2
Купечество	5,2
<i>Юридический факультет</i>	
Дворяне	29,5
Духовенство	11,5
Дети почетных граждан	5
Дети чиновников	18
Казачество	—
Мещане	3,8
Интеллигенция	14,1
Дети крестьян	3,8
Купечество	14,1
<i>Факультет восточных языков</i>	
Иностранцы или иностранные подданные	43,6
Дворяне	20
Духовенство	14,6
Дети почетных граждан	3,6
Дети чиновников	7,3
Казачество	
Мещане	3,6
Интеллигенция	3,6
Дети крестьян	1,8
Купечество	1,8

<i>Историко-филологический факультет</i>	
Дворяне	32,4
Духовенство	12,7
Дети почетных граждан	2,8
Дети чиновников	25,4
Казачество	2,8
Мещане	4,2
Интеллигенция	7
Дети крестьян	1,4
Купечество	7
<i>Историки</i>	
Дворяне	32,7
Духовенство	16,7
Дети почетных граждан	4,8
Дети чиновников	23,8
Казачество	2,4
Мещане	6,5
Интеллигенция	3,6
Дети крестьян	2,4
Купечество	6
Иностранные подданные	1,1

* Для тех случаев, когда в личном деле указано «сын профессора», «сын врача», «сын музыканта» и др.

Такая ситуация объясняется тем, что исторические труды представителей филологических кафедр историко-филологического факультета, равно как и преподавателей факультета восточных языков, были связаны преимущественно с изучением древних и восточных языков, литературных / исторических памятников и культуры. До начала XX в. в университете быстрыми темпами росло число специалистов по истории права (прежде всего на юридическом факультете). Между тем археология и история церкви, как показывают данные, неизменно находились на периферии исследовательского внимания, хотя в абсолютных цифрах количество специалистов в этих областях также постепенно росло. Если относительно археологии, молодой для того времени, но интенсивно развивающейся

Таблица 12. Специализация историков Санкт-Петербургского университета в 1805–1915 гг.

Специализация	Годы											
	1805	1815	1825	1835	1845	1855	1865	1875	1885	1895	1905	1915
Политическая история	2	4	5	6	2	3	6	6	7	12	20	32
Социально-экономическая история				1				2	6	8	14	17
История культуры и языка	1	1	3	8	8	5	19	18	27	41	56	75
История права		2		3	4	4	2	8	11	14	17	13
История церкви								1	1	1	2	6
Археология								1	2	5	5	7

дисциплины²¹, это обстоятельство можно объяснить тем, что в университете отсутствовала соответствующая кафедра, то *история церкви*, очевидно, не пользовалась в петербургской «светской» историографии популярностью²².

Интересно, что политическая история (включающая историю государственных институтов, войн, биографии политических деятелей и т. п.) с середины XIX в. в процентном отношении сдавала свои позиции, и только с рубежа веков началось ее возрождение, что особенно заметно, если учесть рост исследований в смежной области — социально-экономической истории. В этом контексте подтверждается — по крайней мере в цифровом выражении — известный тезис П. Н. Милюкова о том, что «старая закваска» петербургской исторической школы, связанная с ее сосредоточенностью на источниковедческих и историографических темах, пусть и не совсем выдохлась, но все же с 1890-х годов стала преодолеваться в трудах С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова и других представителей нового поколения историков²³.

Важная характеристика научных изысканий университетских историков — распределение тематики их работ по историческим периодам и регионам (см.

²¹ См.: Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. СПб., 2003.

²² Ср.: Potehina I. P. The History of the Medieval Papacy at the St. Petersburg University (1819–1917) // Vestnik of Saint-Petersburg University. History. 2019. Vol. 64, iss. 1. P. 136–158.

²³ См.: [Милюков П. Н.] [Рец.:] Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера “Of the russe common wealth” как исторический источник. СПб., 1891 // Русская мысль. 1892. № 2. Библиографический отдел. С. 64–66. Ср.: Трибунский П. А. П. Н. Милюков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: мысль, события, люди: сб. науч. трудов кафедры древней и средневековой истории Отечества. Вып. 1. Рязань, 2001. С. 5–12.

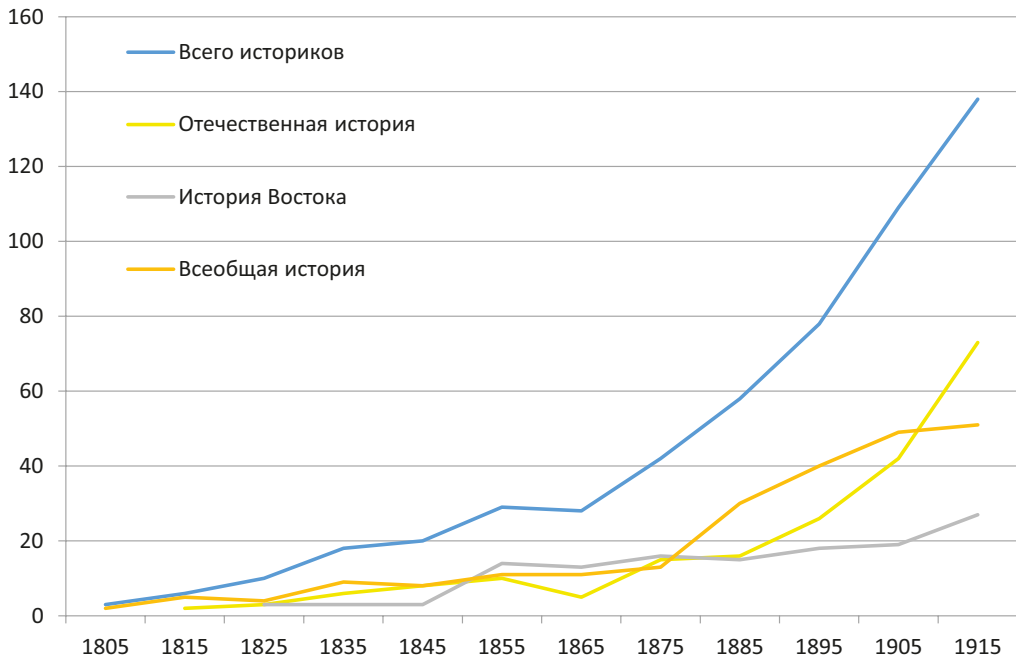

Рис. 3. Специализация историков Санкт-Петербургского университета в 1805–1915 гг.

рис. 3). Исходя из имеющихся историографических традиций, а также специфики изучения того или иного периода, все темы мы разбили на следующие блоки: отечественная история, всеобщая история (история Европы от античности до XX в.), а также история Востока, специалисты по которой представляли собой обособленную группу и тематически, и институционально, и поэтому были выделены нами в отдельную категорию.

Согласно представленным на рис. 3 кривым, историки, специалисты по истории России всех периодов и тем, на протяжении почти 40 лет (с 1870-х по 1910-е годы) численно уступали исследователям истории и культуры других европейских государств. Впрочем, отчасти такая картина связана с оптикой наших подсчетов: многие русисты и слависты наряду с историей сюжетов отечественной истории и культуры рассматривали и сюжеты, связанные с другими странами и культурами (И. И. Срезневский, В. И. Ламанский, В. А. Бильбасов, Е. Ф. Шмурло и др.). Только к 1910-м годам в условиях постоянно увеличивающегося интереса к ранее мало рассматриваемой проблематике Новой истории России (XVIII–XIX вв.) чисто российские сюжеты начинают превалировать.

Школа антиковедов берет свое начало от классической филологии, в частности Ф. Б. Грефе, чья университетская карьера началась в 1811 г., т. е. еще в рамках Главного педагогического института. Разумеется, ключевую роль в формировании традиций как антиковедения, так и петербургской исторической школы в целом сыграли М. С. Куторга и его школа, прежде всего такие разные ее представители, как К. Я. Люгемиль, Ф. Ф. Соколов, В. Г. Васильевский, за которыми шло новое поколение ученых, составивших славу русской науки об античности, — Ф. Ф. Зелин-

ский, С. А. Жебелев, М. И. Ростовцев и др. Надо отметить, что значительное влияние на многих антиковедов оказал историк и искусствовед Н. П. Кондаков, учениками которого также можно назвать С. А. Жебелева и М. И. Ростовцева²⁴. Кстати, многогранность научных интересов Н. П. Кондакова сделала его наставником историков самых разных периодов и тематических направлений, помимо названных антиковедов, к его школе относят специалиста по византийскому искусству Я. К. Смирнова, русиста и известного источниковеда Н. П. Лихачева, специалиста по истории древнерусской культуры В. К. Мясоедова и, разумеется, крупнейшего российского искусствоведа А. В. Айналова, который стал основателем собственной крупной школы²⁵.

Школа историков-специалистов по истории Средних веков, византистики и новистике формировалась прежде всего вокруг фигур учеников М. С. Куторги — М. М. Стасюлевича, а затем В. Г. Васильевского, который, как считается, оказал фундаментальное влияние на формирование петербургской исторической школы в целом²⁶. За три десятка лет работы в университете (1869–1899 гг.) он воспитал многих признанных ученых — Б. А. Тураева, А. А. Васильева, И. И. Толстого и др. Отдельно стоит сказать о И. М. Гревсе, одном из самых известных учеников В. Г. Васильевского, который также оставил после себя целую научную школу в области медиевистики, представленную десятками учеников²⁷. С именем другого ученика В. Г. Васильевского — Г. В. Форстена (и его школой) — связаны исследования Европы Нового и новейшего времени²⁸.

Необходимо отметить, что петербургская школа историков-русистов хотя и была широко представлена, оформилась и «разрослась» достаточно поздно — только во второй половине XIX в., между тем научная преемственность в других исторических дисциплинах, что видно из предшествующего изложения, имела куда более глубокие корни. Интересно, что эта школа, согласно господствующей традиции, восходила к выпускнику Московского университета К. Н. Бестужеву-Рюмину²⁹, который оставил после себя ряд учеников, в том числе таких ярких, как С. Ф. Платонов и А. С. Лаппо-Данилевский, создавших собственные научные шко-

²⁴ См. прежде всего труды Э. Д. Фролова: *Фролов Э. Д.*: 1) Из истории университетской школы антиковедения // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. 1969. Вып. 1, № 2. С. 121–129; 2) Русская наука об античности (историографические очерки). СПб., 1999; 3) Традиции классицизма и петербургское антиковедение // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. М.; Магнитогорск, 2000. С. 61–83; 4) Петербургская историческая школа: традиции классицизма и последствия модернизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2015. Вып. 4. С. 136–149 и др.

²⁵ *Анфертьева А. Н.* Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 259–312.

²⁶ *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. № 2. С. 120–122; *Гревс И. М.* Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. СПб., 1899.

²⁷ *Свешников А. В.*: 1) Научная школа как конструкция. О приемах формирования петербургской школы медиевистов начала XX века // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. Vol. 3. P. 142–156; 2) Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб., 2016.

²⁸ *Кан А. С.* Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979.

²⁹ *Малинов А. В.* К. Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб., 2005.

лы, описанные в литературе³⁰. В числе ее наиболее видных представителей, работавших в университете в дореволюционный период, — Е. Ф. Шмурло³¹, С. В. Рождественский³², А. Е. Пресняков³³, Г. В. Вернадский³⁴, Б. Д. Греков³⁵ и многие другие.

Со школой русистики были тесно связаны филологи — специалисты по русскому и другим славянским языкам. Существовало несколько крупнейших школ, определивших развитие этой области исторического знания в университете. Первую из них составляли ученики И. И. Срезневского (получившего образование и начавшего карьеру в Харьковском университете) — В. И. Ламанский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. Н. Пыпин, М. И. Сухомлинов и другие, вторую — последователи А. Н. Веселовского (питомца знаменитой школы московского профессора Ф. И. Буслаева) Д. К. Петров, К. Ф. Тиандер, П. С. Коган, В. Ф. Шишмарев и др.³⁶ А. А. Шахматов (ученик московского профессора Ф. Ф. Фортунатова) стал основателем собственной школы, представители которой оказали значительное влияние как на изучение формирования русского языка, так и на представление о древнерусской истории. А. А. Шахматова можно назвать наставником Н. С. Державина, М. Д. Приселкова, С. Н. Обнорского, М. Г. Долобко и многих других филологов и историков³⁷. Достоинно упоминания то, что А. А. Шахматов и его последователи традиционно причисляются именно к петербургской исторической школе, для которой они стали «своими»³⁸. Другое дело — воспитанник московской исторической школы (ученик В. И. Герье) Н. И. Кареев, оставшийся для петербургской исторической школы всегда несколько чуждым из-за своего «социологического» подхода к исторической науке³⁹.

Стоит отметить, что основные «строители систем» историко-социологического направления в Петербургском университете, помимо Н. И. Кареева, также имели

³⁰ Цамутали А. Н.: 1) Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // *Историки России. XVIII — начало XX века*. М., 1996. С. 538–552; 2) С. Ф. Платонов и русская историография XX — начала XXI в. // *Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы* / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, С. О. Шмидт. СПб., 2011. С. 239–243; *Брачев В. С.*: 1) *Русский историк С. Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек*. СПб., 1997; 2) «Наша университетская школа русских историков»...; *Малинов А. В., Погодин С. Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; *Шмидт С. О.* Историк С. Ф. Платонов — ученый и педагог (К 150-летию со дня рождения). М., 2010.

³¹ *Горелова С. А.* Исторические взгляды Е. Ф. Шмурло: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

³² *Груздева Е. Н.* Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. СПб., 2008.

³³ *Брачев В. С.* А. Е. Пресняков и петербургская историческая школа. СПб., 2011.

³⁴ *Дворниченко А. Ю.* Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб., 2017.

³⁵ *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

³⁶ См., в частности: *Смирнов С. В., Сафронов Г. И., Дмитриев П. А.* Русское и славянское языкознание в России середины XIX — начала XX в. Л., 1991; *Смирнов С. В.* Отечественные филологические школы середины XVIII — начала XX в. М., 2001; *Лантева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 150–200, 343–394.

³⁷ См.: *Макаров В. Н.* «Такого не бысть на Руси прежде...». Повесть об академике А. А. Шахматове. СПб., 2000.

³⁸ См., напр.: *Панях В. М.* Яков Соломонович Лурье и петербургская историческая школа // *Панях В. М.* *Историографические этюды*. СПб., 2005. С. 153.

³⁹ *Ростовцев Е. А.* Н. И. Кареев в среде историков Петербургской школы // *Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель*. Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. И. Кареева. Сыктывкар, 2002. С. 183–186.

«иногороднее» *схоларное происхождение*, представляя главным образом историков-юристов. Действительно, развитие концепций историко-юридической школы в Петербургском университете также связано с выходцами из Московского (В. И. Сергеевич, Н. Л. Дювернуа, В. Ф. Дерюжинский) и Харьковского (А. Д. Градовский) университетов, каждый из которых, впрочем, имел собственную плеяду известных учеников. Разумеется, и у историков-юристов были более глубокие «петербургские истоки», а также учеба в Берлине у известного правоведа, философа и историка Ф. К. фон Савиньи (К. И. Неволин, П. Д. Калмыков, И. И. Ивановский и их ученики). Три поколения в дореволюционный период насчитывала школа истории международного права профессора Ф. Ф. Мартенеса, ученика И. И. Ивановского⁴⁰.

Некоторая традиционная замкнутость факультета восточных языков, очевидно, повлияла на формирование его научных школ, поколенческих научных связей. Характерно также и то, что в значительной степени школа петербургского востоковедения зародилась вдали от столицы империи, целый ряд «восточников» переехал в Петербург из Казани в 1855 г. при организации факультета восточных языков, хотя отдельные направления университетского востоковедения восходят к первой трети XIX в., будучи связаны с именами О. И. Сенковского и Д. Топчибашева. Ученые попадали под влияние многих старших коллег, вследствие чего у одного преподавателя могло быть как много учителей, так и много учеников. Наиболее представительны университетские школы П. К. Коковцова, В. Р. Розена, А. К. Казем-бека, И. П. Минаева, Н. Я. Марра⁴¹.

* * *

Настоящий обзор ярко показывает несколько обстоятельств. Академический университет, Педагогический институт, Главный Педагогический институт — во всех этих учреждениях, предшествовавших Императорскому университету, еще *не сформировалось* профессиональное сообщество историков. Таким образом, вряд ли справедливо относить к раннему периоду становление преемственности в методологии научной работы (от учителя к ученику), а следовательно, и становление университетских научных школ в области истории.

По нашему мнению, началом формирования как университетской корпорации историков, так и научных школ в ее рамках является вторая четверть XIX в. Именно с этого времени исторические штудии разных направлений занимают действительно центральное место в тематике научных исследований петербургских университетских ученых. Отметим, что сравнительно с другими областями зна-

⁴⁰ Шилов Л. А. Из истории юридического факультета Петербургского университета (1819–1917) // Вестник Ленинградского университета. Экономика, философия, право. 1969. Вып. 1, № 5. С. 107–120; Знаменитые студенты Санкт-Петербургского университета. Юридический факультет. СПб., 2012; Ростовцев Е. А., Баринов Д. А., Сосницкий Д. А. Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. Вып. 4. С. 112–127.

⁴¹ Кононов А. Н. Восточный факультет Ленинградского университета (1855–1955) // Вестник Ленинградского университета. 1957. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 2, № 8. С. 5–22; Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982; Джалаева А. М., Команджаев А. Н. Российское востоковедение в XIX — начале XX века // Великие евразийские миграции: материалы Международной научной конференции. Элиста, 2016. С. 321–341.

ний академическая мобильность историков была не слишком высока, а более 63 % преподавателей сами были питомцами университета и служили в нем в среднем дольше, чем большинство ученых. В то же время очевидно схолярное влияние на корпорацию петербургских историков других научных центров, в первую очередь Московского университета. Мы также наблюдаем большую, чем в среднем по университету, конкуренцию за преподавательскую позицию среди историков: требования к младшему преподавателю были жестче, профессура достигалась тяжелее, публикационная активность была выше. Сообщество университетских историков как социальная группа не было монолитным, но его большинство все же относилось к привилегированным сословиям, допуск в профессию «неправославных» составлял среднюю величину для университета (около 20 %). Яркая особенность научных исследований — универсальность и широта их тематики. Характерно, что проблематика, связанная с изучением различных аспектов *только национальной истории* и культуры, отвечала научным интересам менее половины университетских ученых-историков.

Важно отметить, что основная сфера исторических исследований петербургской школы связана с *историко-филологическими ориентирами*, с изучением языков, литературных памятников разных стран и эпох. Собственно политическая и социально-экономическая проблематика так и не стала для нее основной, несмотря на заметное улучшение позиций на рубеже XIX–XX вв. Не случайно большая часть научных направлений исторической школы Петербургского университета зарождалась *на грани исторической и филологической наук* (творчество И. И. Срезневского, А. Н. Веселовского, П. К. Коковцова, В. Р. Розена, Ф. Ф. Соколова, П. В. Никитина, Ф. Ф. Зелинского и др.), в том числе такое направление, как изучение русского летописания (К. Н. Бестужев-Рюмин, А. А. Шахматов), или на грани истории и искусствоведения (Н. П. Кондаков). Особая филологическая направленность петербургской исторической школы закономерно усиливалась тем, что в составе университета был факультет восточных языков, где исторические штудии в основном касались исторических и литературных памятников народов Востока.

Эти данные позволяют иначе взглянуть на феномен петербургской исторической школы в области русской истории. Можно предположить, что ее известный скепсис по отношению к историко-политическим системам и схемам связан не только с источниковедческими традициями немецкой историографии или политической ангажированностью в консервативном (охранительном) смысле, но с общим проблемным полем научных штудий корпорации в целом. В большей степени источниковедческую (а не историко-социологическую) направленность имела социально-политическая по тематике школа М. С. Куторги — М. М. Стасюлевича — В. Г. Васильевского, методологические и учебно-образовательные традиции которой во многом определяли характер преподавания и исследований нескольких поколений ученых. Разумеется, сказанное не означает, что петербургские историки представляли собой лагерь, решительно противостоящий москвичам. Наш обзор хорошо показывает, что точку зрения догматического противопоставления двух научных школ вряд ли можно считать вполне обоснованной⁴². Более того, из обзора следует позитивное влияние питомцев Московского университета на петербург-

⁴² Dvornichenko A. Yu., Rostovtsev E. A., Barinov D. A. "Petersburg Historical School" XVIII — early XX century: historiographical context and research methods...

скую корпорацию и благотворное влияние петербургского сообщества историков на москвичей, их творчество и сформированные ими школы. Быть может, в этом и заключается феномен петербургской исторической науки, которая на рубеже XIX–XX вв. дала примеры ярких синтетических построений в разных областях российской и всеобщей истории, основанных на фундаментальных историко-ведческих штудиях (Б. А. Тураев, М. И. Ростовцев, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков и многие другие).

Представленные данные показывают эффективность избранного исследовательского инструментария. Дальнейшие перспективы исследования связываются нами с комплексным просопографическим сравнением С.-Петербургского университета с другими центрами российской историографии, а также историков как социальной группы с представителями других профессиональных групп российских ученых в контексте социальной истории отечественной науки и высшей школы.

References

- Alekseev V. M. *Nauka o Vostoke. Stat'i i dokumenty*. Moscow, Nauka, 1982, 535 p. (In Russian)
- Aletras N. N., Grishina N. V., Skvortsov A. M. K sozdaniyu kollektivnogo portreta istorikov-soiskatelei uchenykh stepenei v Rossii XIX — nachala XX v.: razrabotka bazy dannykh i predvaritel'nyi analiz. *Uchitel' istorii v sotsiokul'turnom prostranstve Evrazii v kontse XX — nachale XXI v.: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Kazan', Kazan' State University Press, 2016, pp. 32–40. (In Russian)
- Aletras N. N., Vydrin O. V. Baza dannykh po dissertatsionnoi kul'ture rossiiskikh uchenykh-istorikov (1814–1919): informatsionnyi resurs i opyt ego analiza. *Aktual'nye problemy i sovremennyye podkhody k prepodavaniyu. Sbornik nauchnykh statei*. Chelyabinsk, Pechatnyi dvor, 2018, pp. 10–18. (In Russian)
- Anan'ich B. V., Paneyakh V. M. Istoricheskaya nauka v Akademii i akademicheskikh uchrezhdeniiakh Peterburga. *Trudy obedinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i kul'turnomu naslediyu 2005*. St. Petersburg, Nauka, 2006, pp. 19–21. (In Russian)
- Anferteva A. N. D. V. Ainalov: zhizn', tvorchestvo, arkhiv. *Arkhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1995, pp. 259–312. (In Russian)
- Brachev V. S. A. Ye. *Presniakov i peterburgskaia istoricheskaya shkola*. St. Petersburg, Asterion, 2011, 239 p. (In Russian)
- Brachev V. S. "Nasha universitetskaia shkola russkikh istorikov" i ee sud'ba. St. Petersburg, Stomma, 2001, 243 p. (In Russian)
- Brachev V. S. *Russkii istorik S. F. Platonov. Uchenyi. Pedagog. Chelovek*. St. Petersburg, Nestor, 1997, 262 p. (In Russian)
- Brachev V. S., Dvornichenko A. Yu. *Kafedra russkoi istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta (1834–2004)*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2004, 383 p. (In Russian)
- Daudov A., Dvornichenko A., Rostovtsev E. Bor'ba za istoriyu. *Rodina*, 2014, no.10, pp.133–137. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Russkii istorik Georgii Vernadskiy. Puteshestviia v mire liudei, idei i sobytii*. St. Petersburg, Evrazia, 2017, 723 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Rostovtsev E. A., Barinov D. A. "Petersburg Historical School" XVIII — early XX century: historiographical context and research methods. *Bylye Gody*, 2018, vol. 49, iss. 3, pp. 1046–1060. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Rostovtsev E. A., Barinov D. A. The department of Russian history at St. Petersburg University (1821–1917): a group portrait. *Vestnik of Saint-Petersburg University*. History, 2016, iss. 3, pp. 46–56.
- Dzhalaev A. M., Komandzhaev A. N. Rossiiskoe vostokovedenie v XIX — nachale XX veka. Velikie evraziiskie migratsii. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Elista, Kalmyk State University Press, 2016, pp.321–341. (In Russian)
- Frolov E. D. Iz istorii universitetskoj shkoly antikovedeniia. *Vestnik of Leningrad University*. History, language, literature, 1969, vol. 1, no.2, pp. 121–129. (In Russian)

- Frolov E. D. Peterburgskaia istoricheskaia shkola: traditsii klassitsizma i posledstviia modernizatsii. *Vestnik of Saint-Petersburg University*. History, 2015, iss. 4, pp. 136–149. (In Russian)
- Frolov E. D. Russian-German university and academic relations in the XVIII–XIX centuries (based on the science of world history). *Vestnik of Saint-Petersburg University*. History, 2016, iss. 3, pp. 57–67.
- Frolov E. D. *Russkaia nauka ob antichnosti (istoriograficheskie ocherki)*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 1999, 541 p. (in Russian)
- Gorelova S. A. *Istoricheskie vzgliady Ye. F. Shmurlo*. PhD Tesis. Moscow, 1999, 22 p. (In Russian)
- Gorskaia N. A. *Boris Dmitrievich Grekov*. Moscow, IRL, 1999, 271 p. (In Russian)
- Grevs I. M. *Vasilii Grigor'evich Vasil'evskiy kak uchitel' nauki*. St. Petersburg, V. S. Balashev and Co., 1899, 48 p. (In Russian)
- Gribovsky M. V. *Professorsko-prepodavatel'skii korpus Imperatorskikh universitetov kak sotsial'no-professional'naiia gruppy rossiiskogo obshchestva. 1884 g. — fevral' 1917 g.* Diss... dokt. ist. nauk. Tomsk, 2018, 303 p. (In Russian)
- Gruzdeva E. N. *Peterburgskii istorik Sergei Vasil'evich Rozhdestvenskii*. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Press, 2008, 199 p. (In Russian)
- Kan A. S. *Istori G. V. Forsten i nauka ego vremeni*. Moscow, Nauka, 1979, 151 p. (In Russian)
- Kononov A. N. Vostochnyi fakul'tet Leningradskogo universiteta (1855–1955). *Vestnik of Leningrad University*. History, Language and Literature, 1957, no. 8, iss. 2, pp. 5–22. (In Russian)
- Kostina T. V., Kouprianov A. V. Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat University (1803–1884). *Vestnik of Saint-Petersburg University*. History, 2016, iss. 3, pp. 31–45.
- Koupriianov A. V. Ot prosopografii universitetskoj professury do tsifrovogo sleda filosofskogo parokhoda: “srednie dannye” i formal'nye podkhody v istorii nauki. *Topos*, 2017, no. 1–2, pp. 111–137. (In Russian)
- Kulikova A. M. Stanovlenie universitetskogo vostokovedeniia v Peterburge. Moscow, Nauka, 1982, 207 p. (In Russian)
- Lapteva L. P. *Istoriia slavianovedeniia v Rossii v XIX v.* Moscow, Indrik, 2005, 847 p. (In Russian)
- Loskutova M. V. Geograficheskaia mobil'nost' professorov i prepodavatelei rossiiskikh universitetov vtoroi poloviny XIX veka: postanovka problemy i predvaritel'nye rezul'taty issledovaniia. “Byt' russkim po dukhu i evropeitseem po obrazovaniiu”: *Universitety Rossiiskoi imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy XVIII — nachala XX v.* Ed. by A. Yu. Andreev. Moscow, ROSSPEN, 2009, pp. 183–221. (In Russian)
- Lur'ie Ya. S. *Istoriia odnoi zhizni*. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press, 2004, 278 p. (In Russian)
- Liagushkin I. A., Vishlenkova E. A. Professional'naiia samoorganizatsiia russkikh uchenykh (opyt prosopograficheskogo analiza zoologicheskoi sektsii na s'ezdakh russkikh estestvoispytatelei i vrachei vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka). *Istoriia i istoricheskaia pamiat'*, 2013, no. 7–8, pp. 172–190. (In Russian)
- Makarov V. N. “*Takogo ne byst' na Rusi prezhe...*”. *Povest' ob akademike A. A. Shakhmatove*. St. Petersburg, Aleteia, 2000, 390 p. (In Russian)
- Malinov A. V. K. N. *Bestuzhev-Riumin: Ocherk teoretiko-istoricheskikh i filosofskikh vzgliadov*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2005, 213 p. (in Russian)
- Malinov A. V. *Russkaia filosofiia: issledovaniia, istoriia, istoriografiia*. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Press, 2013, 208 p. (In Russian)
- Malinov A. V., Pogodin S. N. *Aleksandr Lappo-Danilevskii: istorik i filosof*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2001, 283 p. (In Russian)
- Margolis Yu. D., Tishkin G. A. “*Edinym vdokhnoveniem*”: *ocherki istorii universitetskogo obrazovaniia v Peterburge v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v.* St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2000, 226 p. (In Russian)
- [Milyukov P. N. Rew.]. Seredonin S. M. Sochinenie Dzhil'sa Fletchera “Of the russe common wealth” kak istoricheskii istochnik. St. Petersburg, 1891. *Russkaia mysl'*, 1892, no. 2, Bibliographic department, pp. 64–66. (In Russian)
- Paneyakh V. M. Yakov Solomonovich Lur'ie i peterburgskaia istoricheskaia shkola. *In memoriam. Sb. pamiatii Ya. S. Lur'ie*. St. Petersburg, Feniks, 1997, pp. 133–146. (In Russian)
- Platonov S. F. Neskol'ko vospominanii o studencheskikh godakh. *Dela i dni*, 1921, no. 2, pp. 104–129. (In Russian)
- Potekhina I. P. Istoriia Sankt-Peterburgskogo universiteta kak predmet kollektivnykh issledovatel'skikh proektov. *Klio*, 2016, no. 8(116), pp. 14–21. (In Russian)
- Potekhina I. P. Portal biografika SPbGU i novye vozmozhnosti v izuchenii peterburgskoi medievistiki. *Srednie veka*, 2018, vol. 79, no. 3, pp. 180–195. (In Russian)

- Potekhina I. P. The History of the Medieval Papacy at the Imperial St. Petersburg University (1819–1917). *Vestnik of Saint-Petersburg University*. History, 2019, vol. 64, iss. 1, pp. 136–158. (In Russian)
- Proskuriakova M. E. Prosopograficheskie bazy dannykh kak instrument raboty s massovymi istochnikami v sovremennoi istoriografii. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 3, pp. 190–198. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. *S. A. S. Lappo-Danilevskii i peterburgskaia istoricheskaiia shkola*. Riazan', Contemporary History of Russia, Studies and History (NRII), 2004, 352 p. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. Diskurs “peterburgskoi istoricheskoi shkoly” v nauchnoi literature. *Figury istorii ili obshchie mesta istoriografii. Vtorye Sankt-Peterburgskie chteniia po teorii, metodologii i filosofii istorii*. St. Petersburg, Severnaia zvezda, 2005, pp. 303–341. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. Informatsionnye resursy kak instrument issledovaniia po prosopografii i istoricheskoi biografike (na primere setevykh proektov po universitetskoii istorii). *Scientific Vestnik of Crimea*, 2016, no. 4(4), pp. 112–127. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. N. I. Kareev v srede istorikov Peterburgskoi shkoly. *Nikolai Ivanovich Kareev: chelovek, uchenyi obshchestvennyi deiatel'. Materialy Pervoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu so dnia rozhdeniia N. I. Kareeva*. Syktyvkar, Syktyvkar State University Press, 2002, pp. 183–186. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. Problematika proektov po universitetskoii istorii i istorii vysshei shkoly (Sankt-Peterburgskii universitet). *Novoe proshloe*, 2016, no. 3, pp. 145–157. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. *Sankt-Peterburgskiy Universitet v kontekste sotsial'no-politicheskoi istorii Rossii (1884–1917)*. Diss. ... of Doctor in History. Vol. 1. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2016, 426 p. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)*. Moscow, ROSSPEN, 2017, 903 p. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. The Poles in The Academic Corporation of Saint-Petersburg Imperial University. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2014, no. 2, pp. 194–204.
- Rostovtsev E. A., Barinov D. A., Sosnitskii D. A. Iuridicheskii fakul'tet Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo Universiteta (1819–1917): opyt kollektivnoi biografii. *Vestnik of Saint-Petersburg University*. Ser. Pravo, 2015, vol. 4, pp. 112–127. (In Russian)
- Shilov L. A. Iz istorii iuridicheskogo fakul'teta Peterburgskogo universiteta (1819–1917). *Vestnik of Leningrad University*. Economics, Philosophy, Law, 1969, no. 5, vol. 1, pp. 107–120. (In Russian)
- Shmidt S. O. *Istorik S. F. Platonov — uchenyi i pedagog (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia)*. Moscow, Arkheograficheskaiia komissiiia RAN, 2010, 148 p. (In Russian)
- Sidorchuk I. V. Biografika v kontekste sovremennykh issledovaniia po istorii Peterburgskogo universiteta. *Mezhdunarodnye otnosheniia i dialog kul'tur: sb. nauchnykh statei*. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Press, 2016, no. 4 (2015), pp. 224–235. (In Russian)
- Smirnov S. V. *Otechestvennye filologi-slavisty serediny XVIII — nachala XX vv.* Moscow, Flinta Nauka, 2001, 334 p. (In Russian)
- Smirnov S. V., Safronov G. I., Dmitriyev P. A. *Russkoe i slavianskoe iazykoznanie v Rossii serediny XIX — nachala XX v.* Leningrad, Leningrad State University Press, 1991, 229 p. (In Russian)
- Sosnitskii D. A. Osnovnye napravleniia izucheniia istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta v sovremennoi rossiiskoi istoriografii. *Klio*, 2017, no. 10 (130), pp. 207–217. (In Russian)
- Sveshnikov A. V. *Ivan Mikhailovich Grevs i peterburgskaia shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh issledovaniia, 2016, 420 p. (In Russian)
- Sveshnikov A. V. Nauchnaia shkola kak konstruksia. O priyemakh formirovaniia peterburgskoi shkoly medievistov nachala XX veka. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2012, vol. 3, pp. 142–156. (In Russian)
- Tikhonov I. L. Arkheologia v Sankt-Peterburgskom universitete: istoriograficheskie ocherki. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2003, 328 p. (In Russian)
- Tribunskii P. A. P. N. Miliukov o peterburgskoi istoricheskoi shkole. *Istoriia dorevoliutsionnoi Rossii: mysl', sobytiia, liudi*. Sb. nauch. trudov kafedry Drevnei i srednevekovoi istorii Otechestva. Vol. 1. Riazan', S. A. Yesenin State Pedagogical University Press, 2001, pp. 5–12. (In Russian)
- Tsamutali A. N. Glava peterburgskoi istoricheskoi shkoly: Sergei Fedorovich Platonov. *Istoriki Rossii. XVIII — nachalo XX veka*. Moscow, Skriptorii, 1996, pp. 538–552. (In Russian)
- Tsamutali A. N. S. F. Platonov i russkaia istoriografiia XX — nachala XXI vv. Pamiati akademika Sergeia Fedorovicha Platonova: issledovaniia i materialy. Eds A. Yu. Dvornichenko, S. O. Shmidt. St. Petersburg, Liubavich, 2011, pp. 239–243. (In Russian)
- Valk S. N. *Istoricheskaiia nauka v Leningradskom universitete za 125 let*. Valk S. N. *Izbrannye trudy po istoriografii i istochnikovedeniiu*. St. Petersburg, Nauka, 2000, pp. 7–115. (In Russian)

Zhukovskaia T. N. Istoriko-filologicheskii fakul'tet S.-Peterburgskogo universiteta na rubezhe XIX i XX vekov: nauchno-issledovatel'skii i pedagogicheskie traditsii. *Istoriia i filologiya: problemy nauchnoi i obrazovatel'noi integratsii na rubezhe tysiacheletii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Press, 2000, pp. 339–349. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 15 июня 2018 г.

Рекомендована в печать 30 ноября 2018 г.

Received: June 15, 2018

Accepted: November 30, 2018